

ПОЛ ДЖ. ТРЕМБЛЕЙ

ПОЛ ДЖ. ТРЕМБЛЕЙ

ТО, ЧТО
РАСТЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т66

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Paul Tremblay
GROWING THINGS

Перевод с английского *Н. Нестеровой*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения InkWell Management LLC
и Synopsis Literary Agency.

Тремблей, Пол Дж.

Т66 То, что растет : [сборник] / Пол Дж. Тремблей ;
[перевод с английского Н. Нестеровой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Вселенная Стивена
Кинга).

ISBN 978-5-17-135565-4

Столкновение с Хаосом всегда вызывает смутную тревогу.

Человеку кажется, что Хаос можно обуздать, а то и вовсе отменить, если придерживаться правил. Например, запечатлеть его на фотоснимках. Или записывать все происходящее в дневник. Или попросту зарыться в подушки и укрыться с головой одеялом.

Однако у Хаоса тоже есть свои правила. И эти правила — расти и расширяться, сметая все препятствия и преграды...

Девятнадцать захватывающих историй от одного из ведущих мастеров американского хоррора — о человечестве, балансирующем на краю пропасти, о маленьких людях, пытающихся справиться с ужасом, властно вторгающимся в их жизни, и о том, что всегда следит за тобой с Темной стороны...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-135565-4

© Paul Tremblay, 2019
© Перевод. Н. Нестерова, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers,
2024

Посвящается (не таким уж и) малышам

Следующие рассказы изначально выходили в других изданиях и публикуются здесь при наличии соответствующего разрешения.

«То, что растет». Сборник «Тем временем», Chizine Publications, 2010.

«Некто хочет знать, так ли все плохо, как он думает». Журнал «Бурбон Пенн», выпуск 8, 2013; а также антология «Лучшие странные истории года», том 1, 2014.

«Кое-что о птицах». «Черные перья» (антология), ред. — Эллен Дятлоу, Pegasus Books, 2017.

«Побег». «Сверхъестественный нуар» (антология), ред. — Эллен Дятлоу, Dark Horse, 2011.

«Девятнадцать снимков, сделанных в Денниспорте». «Кейпкодский нуар» (антология), ред. — Эллен Дятлоу, Akashic, 2011.

«Где все мы будем». «Марионетки Гримскрайба» (антология), ред. — Джозеф Палвер, Miskatonic River Press, 2013.

«Учитель». ChiZine Publications, также публиковался в антологии «Тем временем». Номинирован на премию Брэма Стокера.

«Заметки к "Амбару в лесу"». «Дети старой пиявки» (антология), ред.: Росс Локхарт и Джастин Стил, Word Horde, 2014.

«_____». «Письма Лавкрафту» (антология), ред. — Джесс Буллингтон, Stone Skin Press, 2014.

«Монстр нашего города». ChiZine Publications, 2010.

«Дом с привидениями — это колесо, в котором что-то сломалось». «Выпотрошенный. Прекрасные истории ужаса», ред.: Даг Мурано и Д. Александр Уорд, Crystal Lake Publishing, 2016.

«Она не покинет меня». Журнал «Темные открытия», выпуск 37, 2016.

«Дальнейшие вопросы к сомнамбуле». «Безумие доктора Калигари» (антология), ред. — Джозеф Палвер, Fedogan and Bremer Publishing, 2016.

«Ледяная башня». «Горящая дева», том 2 (антология), ред. — Кристофер Гольден, «Titan Books», 2017.

«Ее красная правая рука». «Хеллбой. Коллекция историй ужасов» (антология), ред. — Кристофер Голден, Dark Horse, 2017.

«Кормить уток запрещено законом». «Фантастический журнал», выпуск 2, 2004; также входил в сборник «Тем временем».

Слезы поливают землю, на которой мы растем.

Уильям Шекспир

То, что пугает меня, напугает и остальных.

Мэри Шелли

Папа покажет мне чудищ,
Мама покажет мне уродцев.

*Из песни «Секс-подземелья
и драконы» группы «The St. Pierre
Snake Invasion»*

ТО, ЧТО РАСТЕТ

1.

Отец почти два дня просидел заперевшись в своей комнате. Теперь он бродит по прихожей и останавливается только для того, чтобы поковырять почерневшим ногтем потрескавшийся дверной косяк. Он что-то бормочет себе под нос, делится секретами с выдавшей виды дверью.

Отец всегда вел себя с ними очень сдержанно, а его серьезность граничила с угрюмостью, но они все равно любили его и не только потому, что он был для них единственной живой душой, к которой они могли обратиться за помощью. С недавнего времени он перестал есть и отдавал свою долю дочерям: Марджори и Мерри. Из-за отсутствия еды он как будто помешался и стал вести себя «как чокнутая белка в колесе» — именно так часто называла его мать, сбежавшая больше четырех лет назад. Дочери напуганы его теперешним непредсказуемым поведением, их мучает чувство вины, словно в них заключена причина его страданий, поэтому они договорились вести себя тихо и держаться подальше от него. В углу гостиной между кушеткой и телевизором с запыленным экраном они устроили себе гнездышко из одеял и подушек и играют в карты. Вчера Мерри нарисовала на пыльном экране улыбающуюся рожицу, но Марджори быстро стерла ее ладонью, которая тут же стала черной. В доме нет водопроводной воды, чтобы она могла помыть руки.

Марджори — четырнадцать, но она лишь чуть-чуть выше ростом своей восьмилетней сестры. «Пора рас-

сказывать истории», — произносит она. Марджори часто говорила Мерри, что их мать любила рассказывать им разные истории. Некоторые были забавными, другие — грустными и даже страшными. Эти истории были обо всем на свете, но Мерри не помнит их.

Мерри отвечает:

— Не хочу сейчас слушать твои истории.

Ей интереснее наблюдать за отцом. Мерри представляет себе отца с пушистым хвостом и надутыми щеками, за которыми спрятаны желуди. И эта ассоциация с белкой будит в ней одно из немногих сохранившихся у нее воспоминаний о матери.

— Она будет совсем коротенькой, честное слово. — На Марджори все те же шорты не по размеру и футболка, которые она носит всю неделю. Ее каштановые волосы такие сальные, что кажутся черными, а светлая кожа вся покрыта веснушками и прыщами. У Марджори на коленях лежит книга «Вокруг света».

— Ну ладно, — говорит Мерри, но на самом деле не слушает сестру. Она продолжает следить за отцом, который роется в шкафу с зимней одеждой, выбрасывает оттуда куртки, колючие шерстяные свитера и зимние штаны. Насколько она может судить, на дворе все еще лето.

Яркие краски на обложке книги Марджори кажутся приглушенными в полутемной гостиной. На каминной полке мерцают и медленно оплывают свечи. Но их света недостаточно для чтения. Впрочем, сестры к этому уже привыкли. Марджори закрывает глаза и наугад открывает книгу. Она начинает листать ее, пока не останавливается на странице с нарисованным карикатурным Нью-Йорком. Здания из красного кирпича и синее море заполняют всю страницу и словно пытаются вытеснить друг друга, сражаясь за драгоценное свободное место. Мерри уже раскрасила улицы в зеленый цвет мелком, от которого остался огрызок размером меньше ее ногтя на большом пальце руки.

Они давно привыкли, что отца нельзя беспокоить, поэтому Марджори говорит шепотом:

— Правда ведь, Нью-Йорк — самый большой город на свете? И когда они стали расти там, это значило, что они смогут разрастись во все стороны. Они захватили Центральный парк. Стали быстро подниматься вверх, вытеснили траву, деревья, проглотили все цветочные клумбы. За каждый час они вырастали на целый фут, и так было повсюду.

Вчера она рассказывала о фермах на Среднем Западе и о том, как поля кукурузы, пшеницы и сои захватили сорняки. Люди не могли остановить их рост, и поэтому не стало еды. Мерри уже не в первый раз слышала эту историю.

Марджори продолжает:

— Они пробивались сквозь асфальт, поглотили всю воду в прудах и фонтанах Центрального парка и стали захватывать близлежащие улицы. — Марджори вещает как священник в церкви, куда их водила мама, когда они все вместе ездили в город на горе. Мерри испытывает смешанные чувства грусти и злости из-за того, что так хорошо запомнила старого морщинистого священника — особенно как странно от него пахло детской присыпкой и еще чем-то землистым, — но почти не помнит свою мать.

Марджори говорит:

— Люди в городе не могли помешать их росту. Когда их побеги срезали, те вырастали снова и еще быстрее. Никто не знал, как и почему они растут. Видишь ли, под асфальтом нет почвы, там только канализация, и все равно они росли. Побеги и корни разбивали окна в домах, а некоторые люди взбирались вверх по растениям и воровали еду, деньги и телевизоры. Но скоро они так разрослись, что людям стало слишком тесно в их домах, растения всех вытеснили, и гигантские здания стали трескаться и рушиться. А они росли быстро, быстрее, чем где бы то ни было, и ничто не могло им помешать.

Мерри, слушая сестру вполуха, достает из кармана своей пижамы обломок зеленого мелка. Она меняет свою пижаму каждое утро в отличие от сестры, которая вообще не переодевается. Мерри начинает рисовать мелком на паркете, ей хочется, чтобы отец пришел в комнату, застал ее за этим делом и начал кричать. Возможно, тогда он прекратит надевать на себя всю зимнюю одежду, перестанет вести себя как чокнутая белка.

Отец, переваливаясь с ноги на ногу, входит в гостиную. Он тяжело дышит, дыхание его несвежее, лицо кажется осунувшимся, постаревшим и посеревшим, его покрывают капли пота. Он говорит:

— У нас кончились все запасы. Я должен пойти на поиски еды и воды.

Он не обнимает и не целует дочерей, только гладит их по головам. Мерри роняет кусочек мелка к его ногам, и тот катится по полу. Отец отворачивается, и они понимают, что сейчас он уйдет и уже может не вернуться. У двери он останавливается, складывает руки в перчатках и варежках в трубочку около рта и кричит, повернувшись влево, в сторону кухни, как будто не оставил только что своих дочерей на гряде одеял в гостиной:

— Никому не открывайте дверь! Никому! Стук будет означать, что этому миру пришел конец! — С этими словами он открывает дверь, но совсем чуть-чуть, так, чтобы удалось протиснуться через образовавшийся проем. Дочери не видят внешнего мира, только вспышку яркого солнечного света. Легкий ветерок врывается в их дом, а вместе с ним — шелест листьев, напоминающий звук бензопилы.

2.

Мерри сидит, скрестив ноги, рядом с входной дверью. Марджори вернулась в свое гнездо из одеял и теперь спит. Мерри рисует на двери зеленые линии. Они длинные и толстые, а на их концах она изображает маленькие

листки. Она никогда не видела тех растений, но именно так себе их представляет.

Жалюзи на окнах опущены и падают на подоконники, словно обвисшие паруса, а занавески задернуты. Они перестали выглядывать в окна после того, как отец взмолился, чтобы они этого не делали. И даже теперь, когда он ушел, они не будут смотреть в окна. Когда все только началось, в тот день, когда отец вернулся домой и весь его пикап был набит едой и другими запасами, он заикался, а его ответы на многочисленные вопросы дочерей были непонятными, путанными и противоречивыми. Его узловатые руки двигались чаще, чем губы, он постоянно снимал и снова надевал перепачканную сажей бейсболку. Мерри особенно врезалось в память, как он сказал, что растения напоминали нечто среднее между бамбуком и кудзу. Мерри дернула его за рукав фланелевой рубашки и спросила, что такое бамбук и кудзу. Отец улыбнулся, но тут же отвел взгляд, словно понял, что сболтнул лишнего.

При резких порывах ветра за окнами старого скрипучего домишки слышится свист. В прихожей и гостиной окна похожи на черные прямоугольники, по краям которых пробивается желтый свет, и стекла дрожат в рамах. Мерри смотрит на деревянную дверь и прислушивается — не раздастся ли звук, который она никогда прежде не слышала: стук в дверь. Она сидит и слушает, но в конце концов ее терпению приходит конец. Она бегом поднимается по лестнице наверх в свою спальню, достает чистую пижаму, снова переодевается в темноте, аккуратно сворачивает грязную пижаму и убирает ее в комод. Затем Мерри бежит в их гнездышко и будит старшую сестру.

— Он вернется? Или он тоже сбежал?

Марджори просыпается и медленно поднимается. Она берет книгу, лежащую у нее на коленях, и прижимает ее к груди. Ее пальцы сгибают края страниц и теребят кар-

тонные уголки обложки. Несмотря на прыщи, она выглядит младше своих четырнадцати лет.

Марджори качает головой и отвечает на другой вопрос, который даже не был задан:

— Пора рассказывать историю.

Раньше Мерри нравилось слушать истории, до того, как все они стали о растениях. Теперь ей хочется, чтобы Марджори перестала их рассказывать, чтобы она превратилась обратно в старшую сестру, прекратив играть роль матери.

— Больше никаких историй. Пожалуйста. Просто ответь на мой вопрос.

Марджори возражает:

— Сначала история.

Мерри сжимает руки в кулаки и изо всех сил старается не расплакаться. Сейчас она так же зла, как в тот день, когда Марджори рассказала всем детям на игровой площадке в городе, что Мерри любит ловить пауков, а потом пинцетом по очереди отрывать им ноги. И что она хранит у себя в комодке банку с их плоскими безногими телами.

— Я не хочу слушать истории!

— Мне плевать. Сначала история.

Марджори всегда удается настоять на своем, даже теперь, когда она замкнулась в себе и начала чахнуть. Из своего гнезда она выбирается только в туалет. И ходит как старушка — суставы и мышцы ее ног задеревенели из-за того, что она почти не двигается.

— Ты даешь слово, что ответишь на мой вопрос, если я послушаю твою историю? — спрашивает Мерри.

Марджори отвечает только:

— Сначала история. Сначала история.

Мерри не понимает, что может значить такой ответ: «да» или «может быть».

Марджори рассказывает о пригородах — местах, которые окружают большие города. О том, как растения уничтожили красивые газоны и сады у частных домов, а затем стали пу-

скать корни и разрушать тротуары и дороги. Люди выливали на них миллионы галлонов гербицида, средства для очистки труб, щелочи и отбеливателя. Но растения ничто не брало, а химикаты просочились в подземные воды, которые стекали в хранилища питьевой воды, и все отравили.

Как и в большинстве историй Марджори, Мерри понимает не все. Например, она не знает, что такое подземные воды. Однако смысл истории ей ясен. И в голове у нее рождается крик, но она прикладывает все силы, чтобы не выпустить его наружу.

Она говорит:

— Я выслушала твою историю, теперь ты ответишь на мой вопрос, идет?

Мерри забирает у Марджори книжку, и та, как ни странно, без сопротивления отдает ее.

— Я устала. — Марджори облизывает сухие потрескавшиеся губы.

— Ты же обещала. Когда он вернется?

— Мерри, я не знаю. Правда, не знаю. — Вокруг ее рук и ног обвито одеяло, и кажется, что ее разрезали на части и разбросали по их гнезду.

Мерри хочется стать совсем маленькой и заползти в карман своей сестры. Она спрашивает ее совсем тихо:

— В прошлый раз все так же случилось?

— В какой прошлый раз? О чем ты?

— Когда мамочка сбежала от нас. Именно так все и было, когда она от нас убежала?

— Нет. Она была несчастна и ушла. А он пошел раздобыть нам еды и воды.

— Он счастлив? Когда он уходил, он не показался мне счастливым.

— Он счастлив. С ним все хорошо. Он нас не бросит.

— Так, значит, он вернется к нам?

— Да. Конечно, вернется.

— Ты обещаешь?

— Я обещаю.